

Василий Макарович раздвинул кусты сирени и увидел перед собой покосившийся, невзрачный деревенский дом. Собственно, это был даже и не деревенский дом, а заброшенная пригородная дача, на которой когда-то проводила лето семья преуспевающего инженера или зубного врача. Инженеровы детки играли в песочнице или садиловали соседского кота, инженерова теща варила вишневое варенье и препиралась с соседкой из-за спорного куста смородины, сам инженер дремал в гамаке, закрыв лицо газетой, — в общем, здесь протекала обычная счастливая семейная жизнь.

Впрочем, все это осталось в прошлом, и сейчас вряд ли получилось бы установить, какого цвета был этот дом — то ли веселенького голубого, то ли благонадежно зеленого. Одно из окон закрылось от мира фанерой, другое от пыли и копоти совершенно утратило прозрачность и глядело на Василия Макаровича заплывшим глазом. Крыльцо прогнило, одна из его досок была проломлена.

Но именно здесь, на этой заброшенной даче, по достоверным сведениям, скрывался матерый рецидивист Полукопченный, за которым вся городская по-

лиция безуспешно гонялась долгие годы. И теперь только от Василия Макаровича зависело, арестуют ли Полукопченого и предадут ли справедливому суду, или он продолжит успешно скрываться от органов защиты правопорядка.

Василий Макарович немного отступил в кусты, чтобы из дома его нельзя было заметить, и приготовился к долгому, утомительному ожиданию.

Ему было не привыкать — такое ожидание являлось значительной и неременной частью его работы.

Одно только его смущало и настораживало: из полуразрушенного дома доносилась музыка. Причем не какая-нибудь жизнерадостная советская песня и даже не современная эстрада, к которой Василий Макарович относился со сдержанным неодобрением, — нет, из дома неслись мрачные и величественные звуки классической музыки, мощные выдохи духовых и истерические рыдания скрипок.

К классической музыке Василий Макарович относился с двойственным чувством. С одной стороны, еще с пионерского детства ему внушили к ней настороженное уважение, как к чему-то не вполне понятному, довольно бесполезному, но солидному и значительному, как, скажем, Антарктика или Гималаи. С другой же стороны — слушал он ее чрезвычайно редко и испытывал при этом только одно, но крайне неприятное ощущение: у него от этой музыки болели зубы. Причем больше всего — нижняя правая пятерка, которую Василий Макарович давно удалил и на месте которой у него стоял бюгель.

И еще — классическая музыка вгоняла его в сон.

Это как раз вполне понятно и объяснимо, но все равно неприятно и неудобно. Самое же обидное — что даже во сне проклятый зуб не переставал болеть.

Правда, сейчас он почему-то не болел, что не могло не удивлять и не настораживать Василия Макаровича.

Но самым странным и настораживающим в этой музыке было то, что она доносилась из этого дома. И Василий Макарович мог поклясться, что это не радиопередача и не магнитофонная запись, а самое настоящее живое исполнение. Как в такой развалюхе мог поместиться симфонический оркестр?

Мучаясь над этой неразрешимой загадкой, Василий Макарович тем не менее не сводил глаз с двери и окон дома: возможно, Полукопченный специально отвлекает его загадочной музыкой, дабы улизнуть, так сказать, под шумок. Или же он знает об особенностях его восприятия классической музыки и надеется, что Василий Макарович заснет и пропустит главный момент.

Но этого не случится: Василий Макарович находится при исполнении служебного задания, и его внимание невозможно отвлечь никакой, самой занудной музыкой!

И внимание не подвело Василия Макаровича: он услышал негромкий скрип, а затем увидел, как открылось окно (то самое, мутное от грязи и копоти), и из этого окна выбралась хрупкая худощавая старушка в соломенной шляпке, из-под которой кокетливо выбивались седые, аккуратно завитые букли.

Василий Макарович затаил дыхание и приготовился.

Он знал, что настает главный момент сегодняшней операции, тот самый момент истины, о котором так любят порассуждать писатели и журналисты.

Несомненно, под видом безобидной старушки из дома выбрался Полукопченный!

Правда, возникал вопрос, как здоровенный рецидивист, ростом под два метра и весом центнер, сумел загримироваться в маленькую хрупкую старушку, но Василий Макарович давно знал рецидивиста и ждал от него любого сюрприза.

Старушка спрыгнула на землю и настороженно огляделась.

Не заметив ничего подозрительного, она крадучись двинулась к калитке, за которой проходило шоссе.

Ее путь пролегал мимо кустов сирени, за которыми скрывался бдительный Василий Макарович.

И это обстоятельство оказалось решающим!

Василий Макарович снова раздвинул кусты, шагнул вперед и протянул руку, чтобы сорвать с Полукопченного соломенную шляпку, а вместе с ней — седой завитый парик.

— Стой, Полукопченный! — воскликнул он хорошо поставленным голосом, от которого бледнели и тряслись опытные воры, грабители и матерые расхитители чужой собственности. — Стой, Полукопченный, ты арестован!

— Безобразие! — проговорила старушка возмущенно. — Как только таких пускают в филармонию?

Василий Макарович вздрогнул и проснулся.

Он сидел в Малом зале филармонии, в восьмом ряду, и пытался сорвать парик с сидящей перед ним крупной рыжеволосой особы лет пятидесяти.

— Это парик... — пробормотал он, стряхивая с себя остатки сна.

— Ничего подобного! — воскликнула рыжеволосая и повернулась к своему спутнику, по-видимому, мужу, плюгавому лысому мужичку с оттопыренными ушами, в осыпанном перхотью темном пиджаке. — Алексей, почему ты молчишь? Твою жену оскорбляют, а ты на это смотришь сквозь пальцы!

— Но ватрушечка, мы же в филармонии! — залопотал муж, испуганно оглядываясь по сторонам. — На нас уже смотрят!

На них действительно смотрели и шикали.

Правда, в этот момент грянули литавры, заглушив разгорающийся скандал, а затем взвыли струнные инструменты.

Впрочем, справедливые мужнины доводы не смягчили рыжеволосую даму.

— Вот именно! — воскликнула она. — Мы в филармонии, а этот неотесанный болван схватил меня за волосы! Мало того — он заявил, будто это парик! Это возмутительная ложь! Алексей, ты должен немедленно вызвать администратора!

— Извините, дама... — забормотал Василий Макарович, — я нечаянно... на меня музыка так действует...

— Вот видишь, ватрушечка, — примирительно проговорил муж, — он извинился... у него такая трепетная натура, он от музыки пришел в экстаз и не смог сдержаться...

— С такой трепетной натурой пускай дома музыку слушает! — не унималась рыжеволосая «ватрушечка», но голос понизила.

А Василий Макарович полностью проснулся и вспомнил, как его занесло в Малый зал филармонии, да еще на Пятую симфонию Густава Малера.

За три дня до описываемых событий в кабинет частного детектива Василия Макаровича Куликова вошел крупный, представительный мужчина в бежевом кашемировом пальто.

Собственно говоря, кабинет не совсем являлся кабинетом. До недавнего времени это была обычная жилая комната в небольшой двухкомнатной квартире на Васильевском острове. Да и сам Василий Макарович Куликов до недавнего времени служил скромным сотрудником районного отделения полиции и даже не помышлял о трудной и увлекательной карьере частного детектива. Но судьба иногда совершает неожиданные повороты и преподносит такие сюрпризы, о каких мы и не помышляем. Причем поводом для таких поворотов или сюрпризов может быть совершенно обыденное событие.

Именно так случилось с Василием Макаровичем.

Причиной (или поводом) перемен в его судьбе стало событие вполне заурядное и, во всяком случае, ожидаемое: Василий Макарович Куликов вышел на пенсию.

Друзья и коллеги проводили его на заслуженный отдых, подарив по такому случаю хороший плазменный телевизор. Начальник отделения произнес длинную прочувствованную речь, в которой отметил большие заслуги майора Куликова перед родным отделением и перед отечественной полицией в целом, отдал должное его опыту и таланту криминалиста и подчеркнул, как всем в отделении будет его не хватать.

Речь начальника немного затянулась, и к ее концу некоторые молодые сотрудники начали откровенно скучать и перешептываться, а сотрудники постарше озабоченно поглядывали на дверь соседнего кабинета, где уже накрыли стол.

Но все когда-нибудь заканчивается, закончилась и речь начальника, закончилось и праздничное застолье, и Василий Макарович остался один на один с заслуженным отдыхом.

Первые дни Куликов наслаждался тишиной и покоем, упивался непривычной свободой. Ему не нужно было вставать по будильнику, не приходилось спешить в родное отделение, ожидая очередной выволочки от начальства за не сданный вовремя отчет, не требовалось общаться по долгу службы с неприятными криминальными личностями...

Но уже через неделю он почувствовал, что ему чего-то не хватает.

А еще через три дня он осознал, чего именно: бессонных ночей, засад и погонь, головолomных расследований, событий и приключений, и даже регулярных нагоняев от начальства...

В общем, без привычной работы жизнь Василия Макаровича стала пустой и бессмысленной. Как у всякого мужчины, у Куликова имелось хобби: он собирал модели военной техники — танков, бронетранспортеров, самоходных установок. Но раньше он делал это для разрядки, в свободное от работы время, теперь же все его время стало свободным, и интерес к хобби сразу же упал.

Конечно, оставался еще телевизор. Но Василий Макарович никогда не любил проводить время перед го-

лубым экраном, считал это занятие пустым и бессмысленным, недостойным здравомыслящего человека, и не собирался приучаться к нему на старости лет.

В общем, он промучился так некоторое время, и неожиданно в его голову пришла идея открыть частное детективное агентство.

Почему именно детективное агентство? — спросит читатель.

Да потому, что каждый человек должен делать только то, что умеет, то, что у него получается. Все несчастья в этой жизни, все неврозы и неприятности, все аварии и катастрофы (кроме, пожалуй, землетрясений и цунами) происходят оттого, что человек занимает чужое место и выполняет работу, к которой у него нет ни способностей, ни склонности. Человек, рожденный поваром, строит мосты; талантливый садовник водит автобусы; замечательный собаковод работает в налоговой инспекции; способный сантехник готовит салаты из водорослей, роллы и суши — и что в итоге? Мосты рушатся, автобусы падают в кювет, салаты и роллы напоминают по вкусу... не будем говорить что. И сами люди, занимающие чужое место, чувствуют себя глубоко несчастными.

Именно поэтому Василий Макарович остановился на детективном агентстве.

Здесь он мог применить свой огромный опыт в решении криминальных загадок, здесь он мог занять свое свободное время и, что тоже немаловажно, немало подработать.

Агентство у него было совсем маленькое, кроме самого Куликова, в нем числился всего один сотрудник, точнее, сотрудница — девушка с редким именем

Василиса, с которой Василий Макарович столкнулся совершенно случайно и которой помог выпутаться из сложного и опасного положения.

Сам Василий Макарович исполнял сложные и многообразные обязанности генерального директора агентства, его мозгового центра и оперативного сотрудника. Василиса формально считалась бухгалтером и офис-менеджером, хотя на деле ей приходилось решать более сложные и разнообразные задачи.

А еще был Бонни.

Но Бонни — это отдельная тема... отдельная и, если можно так выразиться, очень крупная. Килограммов семьдесят живого веса, причем все это — сплошные мускулы.

Итак, организовав собственное агентство, Василий Макарович переоборудовал одну из двух своих комнат в кабинет, дал объявления в несколько рекламных газет и стал ждать клиентов.

Со временем клиенты появились, но они вызвали в душе у Куликова горечь и разочарование.

Ему не приходилось распутывать криминальные головоломки, не приходилось расследовать загадочные убийства и похищения бесценных произведений искусства или уникальных бриллиантов с красивыми восточными именами.

В основном к нему приходили обманутые мужья и жены, которые хотели получить неопровержимые доказательства измены своей второй половины.

Вот и сегодняшний клиент явно был из такого же разряда.

Крупный, чрезвычайно откормленный господин в дорогом пальто, с маленькими, заплывшими жиром

подозрительными глазками и круглой самодовольной физиономией, несколько напоминающей свиное рыло. Казалось, он даже негромко похрюкивал в промежутках между возмущенными репликами.

Понятно, что такой тип считает себя идеальным и непогрешимым и смотрит на измену жены как баран на новые ворота...

Василий Макарович слушал его вполуха, поскольку знал по опыту, что первые десять минут потенциальные клиенты жалуются на вероломство неверного супруга (или супруги) и требуют от собеседника сочувствия и понимания.

То есть не говорят ничего полезного.

Неожиданно он расслышал нечто странное.

— Ей о душе пора подумать, место на кладбище подобрать, дизайн памятника выбрать, а она туда же — любовника завела! — возмущенно произнес потенциальный клиент.

— Кто, простите? — удивленно переспросил Василий Макарович.

Он был уверен, что жена клиента — молодая фото-модель с классическими параметрами 90–60–90 и думать о душе или месте на кладбище ей рановато.

— Как — кто?! — возмущенно фыркнул клиент. — Она, Светлана Борисовна, теща моя! Вы меня вообще слушаете?

— Разумеется, слушаю! — заявил Куликов, строго взглянув на клиента. — Но я вас попрошу повторить все еще раз. Возможно, первый раз вы упустили какие-то важные детали...

На этот раз он действительно очень внимательно выслушал рассказ клиента.

Звали его Юрием Михайловичем Чудесовым. Он руководил довольно крупной консалтинговой компанией и жил в большой квартире в центре города, с видом на Неву, вместе с женой и ее матерью, Светланой Борисовной.

До недавнего времени теща не доставляла ему никаких хлопот. Как положено обеспеченной женщине далеко не первой молодости, Светлана Борисовна регулярно посещала косметолога, тренера по фитнесу и психотерапевта. Массажистка, маникюрша и визажистка приходили к ней на дом.

Еще Светлана Борисовна время от времени встречалась с подругами, ходила на концерты в филармонию и посещала модные театральные премьеры.

— Ну и что же вас во всем этом не устраивает? — осведомился Василий Макарович, когда пауза в рассказе клиента затянулась.

— Мне даже как-то неловко об этом говорить... — протянул Чудесов.

— Но придется, — поторопил его Куликов. — Вы же пришли ко мне, значит, рассчитываете на мою помощь. А чтобы помочь вам, я должен все знать.

— Да, конечно... — Чудесов с сомнением взглянул на детектива, однако продолжил: — До меня дошли слухи, что в последнее время мою тещу Светлану Борисовну часто видят в компании одного и того же мужчины... молодого мужчины!

— Я не совсем понимаю... — проговорил Василий Макарович. — Ведь, как я понял, ваша теща — женщина свободная, самостоятельная и достаточно взрослая, чтобы отвечать за собственные поступки...